

Анастасия Вербицкая

Элегия

Анастасия Вербицкая

Элегия

«Public Domain»

1904

Вербицкая А. А.

Элегия / А. А. Вербицкая — «Public Domain», 1904

«Далеко на улице показались извозчичьи сани. Среди ослепительно-белого снега они резко чернели и как бы росли по мере приближения к школе. Анна Николаевна прильнула к стеклу. Наконец!.. Желанный гость сидел за самоваром. Анна Николаевна, раскрасневшаяся, помолодевшая на несколько лет, наливала Васильеву душистого чаю в его стакан!.. И чай этот она только для него берегла; сама она пила вдвое дешевле. Во всём убранстве стола, заставленного его любимыми закусками, с двумя бутылками – английской горькой и красного вина, – сказывалось внимание любящей женщины. Он это понимал и снисходительно улыбался в бороду...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анастасия Вербицкая

Элегия

I

Далеко на улице показались извозчичьи сани. Среди ослепительно-белого снега они резко чернели и как бы росли по мере приближения к школе. Анна Николаевна прильнула к стеклу.

Наконец!..

Желанный гость сидел за самоваром. Анна Николаевна, раскрасневшаяся, помолодевшая на несколько лет, наливала Васильеву душистого чаю в *его* стакан!.. И чай этот она только для него берегла; сама она пила вдвое дешевле. Во всём убранстве стола, заставленного *его* любимыми закусками, с двумя бутылками – английской горькой и красного вина, – сказывалось внимание любящей женщины. Он это понимал и снисходительно улыбался в бороду.

– Ах, какая даль!.. Никак не привыкну! – заметил он, потирая озябшие руки. – Ну уж и морозец же сегодня!

– Пейте скорей!

Она налила ему водки и подвинула жестянку с омарами.

– Роскошь какая! – пошутил он. – Ах, да!.. Ведь, нынче двадцатое... То-то мы и кутим... За ваше здоровье, дорогая Анна Николаевна!

Она молча кивнула головой и влюблённым взглядом глядела на его руку с поднятой рюмкой; глядела, как он опрокинул рюмку в рот, как поднялась при этом его тёмная борода, открывая белую, выхоленную, как у женщины, шею. Внутри её что-то начало дрожать мелкой дрожью. Она машинально сцепила похолодевшие пальцы рук. «О Боже!.. Какое счастье вот так стоять рядом и смотреть, смотреть на него!..»

Он заметил и этот взгляд и волнение её. Выражение лица его смягчилось. Он подвинулся к девушке, смело взял её руку и поднёс к губам.

– Дорогая! Как мне хорошо всегда у вас! С вами...

Пальцы её дрожали. С пылающим на лице румянцем она попробовала высвободить руку, но он ещё крепче сжал её пальцы. Она тихо, бессильно опустила на стул и свободную рукой закрыла лицо.

Несколько секунд он молча смотрел на девушку, и торжествующая усмешка раскрыла его губы.

Она полюбила его с первой минуты, когда на концерте, на эстраде, увидела это прекрасное, полное вдохновения лицо. С первым звуком его смычка, пробежавшего со страстною дрожью по струнам, в суровую душу Анны Николаевны вошло что-то новое, что опьянило её и обессилило. Это было блаженство и... почти страдание. Очнулась она, когда стёкла задрожали от рукоплесканий. Толпу охватил какой-то стихийный порыв. Студенты, курсистки, разодетые дамы – все окружили эстраду, кричали с безумными лицами и махали платками. И она тоже кричала «bis» прерывающимся, диким, не своим, словно, голосом, и лицо у неё тоже было счастливым и безумным.

На *bis* Васильев играл «Элегию» Эрнста. Анна Николаевна не раз слышала её в исполнении знаменитостей; но тут странное что-то произошло с нею. Дрогнули ли в ответ на эти рыдающие звуки какие-то струны в её сердце, ей самой неведомые и все эти годы только ждавшие своего виртуоза? Вспомнились ли ей грёзы юности, забытые давно в трудовой и тусклой жизни городской учительницы? Или просто минута такая подошла, неотвратимая, всесильная, как сама жизнь... Но Анна Николаевна была куплена вся и бесповоротно...

Она добилась знакомства, и в чувстве её появился болезненный надлом, какая-то странная двойственность. Васильев прошёл юридический факультет, но был туп и глух ко всему, кроме музыки. Он только о ней и говорил, и тогда лицо его, обычно бесстрастное, оживлялось, и глаза блеснули. Читал он только газеты, и то словно по обязанности, интересуясь исключительно отделом искусства. Он презирал толпу и рецензентов, но дрожал перед критикой и упивался поклонением. Без этого наркоза он не мог жить. Он ни за кем не признавал таланта. Успех другого артиста – хотя бы чтеца или певца – делал его прямо больным. Поэтому всюду он играл только первым номером и спешил уехать. Когда он говорил пошлости, или молчал со скучающим лицом, Анна Николаевна почти презирала его. Когда он начинал играть, она ему всё прощала. Это было какое-то наваждение. Но, любя или ненавидя, она тянулась к нему вся неудержимо. И это непривычное рабство души – вдали от него – возмущало её.

Он заметил её случайно. В доме купчихи-меценатки, попечительницы той школы, которую заведовала Анна Николаевна, Васильев должен был играть на вечере. Но аккомпаниатор его – мрачный, растрёпанный пианист – на этот раз не приехал. Анна Николаевна вызвалась аккомпанировать. Она была сама серьёзной пианисткой.

– Как вы музыкальны! – искренно удивился Васильев, пожимая её руку. – Я никогда не слышал такого аккомпанемента... Точно моё второе я... Точно вы меня насквозь видите... Ей-Богу, удивительно!.. Где вы живёте? Мне хотелось бы играть с вами... Знаете... Я совсем забывался... Ах! Это так редко!

Бледная, она глядела в его лицо, и выражение её глаз поразило его. Он, казалось, понял всё, и сам побледнел невольно. «Какие глаза!.. Какие глаза!..» – думал он не раз ночью и на другой день. А дней через пять он уже приехал в школу, и с тех пор он стал бывать, несмотря на усталость, после целого дня занятий в консерватории, несмотря на глушь.

Анна Николаевна жила на окраине Москвы.

Как его поразила её более чем скромная обстановка в двух комнатах, которые она имела при школе!

– Вы так играете... Если бы вы захотели, я мог бы вам достать дорогие уроки...

– Знаю, – перебила она холодно. – Но я люблю моё дело.

Для него всё это было ново и дико. Он сам получал на частных уроках по пяти рублей за полчаса, но считал, что этого мало для него, и завидовал профессорам постарше.

Они никогда почти не говорили. Наскоро напившись чаю, оба они спешили к роялю и играли весь вечер. Тогда души их сливались в чудный аккорд. Они переживали молча вдвоём минуты восторга и забвения. Он уезжал, благодарный и растроганный, а она падала лицом в подушки и плакала от счастья...

В жизни Васильева женщине было уделено слишком мало места. Скрипка, творчество, честолюбие заменяли ему любовь и поэзию. Но страсть Анны Николаевны захватила и его холодную душу. О такой именно любви, исключительной и беззаветной, он мечтал давно, как другие мечтают о повышении, о выигрыше двухсот тысяч... Пусть она нехорошенькая, эта девушка, и не первой молодости! Она ему нужна. Такая женщина – он знал – любит в жизни только раз. Она оценит счастье, улыбнувшись ей так поздно. Разочарования, охлаждения, вообще критики к себе, он не простит... Нет! И в дружбе и в любви ему надо быть первым, стоять на пьедестале... Не потому ли до сих пор он не имел друзей и никому не внушил искренней страсти?

И ему в Анне Николаевне многое было антипатично. Она не отвечала его идеалу безответной и хозяйственной подруги. Но он верил в силу своего влияния и давно надумал сделать предложение.

Он привозил ей даровые билеты на все концерты, где играл. С эстрады в толпе он её одну искал глазами. Она вдруг догадалась и замерла от счастья... Неужели любовь?.. Неужели?

Она прожила как во сне целый месяц...

Он намекнул ей как-то, что холостая жизнь ему надоела. Анна Николаевна испугалась. Она попробовала стряхнуть с себя чары, приглядеться внимательно и к нему и к себе. Разве она его знала? Чего он от неё потребует?.. Но оттолкнуть его – значило потерять. Он не простит оскорбления... Анна Николаевна сказала, что больная и избегала его две недели, стараясь овладеть своею страстью. Она боялась встречи. Васильев всё это понял, в её болезнь не поверил и рассчитал, что когда он придет, наконец, она встретит его разбитая, покорная, как победителя. Сам он ничего не боялся. Его выбор не мог быть плохим.

Хмель, бросившийся ему в голову от выпитой рюмки, после целого дня усталости; переход от этой прекрасной, синей, но очень холодной всё-таки ночи к уютной, тёплой комнате; раздражающий запах закусок – все эти предусмотренные мелочи разнежили Васильева. Теплота разливалась по его жилам, и самая душа словно отогревалась. И в ту минуту, когда у девушки голова кружилась от счастья, он глядел на неё и, снисходительно улыбаясь, думал: «А, ведь, она очень и очень недурна»...

II

Кухарка Федосья нарушила очарование.

– Осетрину сейчас подавать, что ли?

Анна Николаевна очнулась.

– Да, конечно... Несите скорей...

И подвинула к Васильеву блюдо с котлетами.

– Кушайте, Николай Модестович, пока горячи...

Он начал есть с завидным аппетитом как уставший и проголодавшийся человек.

– Ну, что у вас новенького? – полюбопытствовал он, начиная вторую котлету.

– Ах! Есть новенькое... И очень даже хорошее. К нам назначена женщина-врач. Нынче была у нас.

– Поздравляю! – усмехнулся Васильев. – Ну, и вы счастливы, конечно?

– Н-нет... Я, видите ли, совсем другого ждала. Хотя... и это хорошо, что врач при школе есть.

– В чём же дело?

– Я думала, что у нас хоть небольшая, да своя аптечка будет. Потому что вы знаете средства этих девочек? Доктор пропишет капли или порошки на тридцать-сорок копеек. А откуда она возьмёт эти деньги? Или вот малокровным железо велит принимать, молоко... «Надо, – говорит, – мяса есть побольше»... Я тут стояла рядом; не могу смолчать. «У них мяса в двенадцатье праздники не всегда найдётся», – говорю. «Она месяца три, – говорю, – в школу не ходила, потому что башмаки износила, а на другие денег не было»... Хорошо я догадалась, наконец, и купила на свои...

– Что ж она?

– Ну что же... Только плечами пожимает... Что ж она сама тут может? Ей вменили в обязанность следить за *гигиеническими* условиями школы. Это раз-то в неделю!.. Вне школы деятельность её кончается. А если на дому заболит девочка? Тогда что? Наконец, это прекрасно – предупреждать развитие хронических болезней. А если они уже развились? Вот золотушной нынче рыбий жир прописала. Ведь, это насмешка. Вы знаете, чего он стоит!

– Я же вам говорил: у нас всегда так, вполовину делается. Одна отчётность и формалистика... Ваше здоровье!.. Вы позволите?

– Да, но, ведь, я и не рассчитываю, что на этом останутся. Будем хлопотать об аптечке. Да и вообще надо взглянуть шире на этот вопрос народной гигиены... Из двадцати четырёх часов – шесть только дети проводят в школе. Где же тут смысл ограничивать деятельность врача школой? Нет, знаете ли, пока не оздоровят помещений, где теснится эта беднота, пока у детей хорошего питания не будет, вся эта школьная гигиена одними милыми словами останется.

– Многого хотите, Анна Николаевна... У нас не только среди народа, у нас даже в среде интеллигенции не распространены гигиенические познания. Если даже за границей не доросли до понимания всего значения профилактики, чего вы требуете от нас?

Он сухо рассмеялся. Из груди Анны Николаевны вырвался глубокий вздох.

– А наша интеллигентная молодёжь? В каких условиях она живёт?

И он заговорил о своей жизни в номерах. Что за отвратительный стол! Как не нажать катара желудка и малокровия? Да и вообще эти гостиницы... Вот недавно один в тифу лежал рядом с номером Васильева. Хорошо, что он узнал рано и поспешил перебраться в другой этаж... (Анна Николаевна подняла голову и стала вслушиваться.) А приятна эта суматоха? Да, наконец, чем он гарантирован, что рядом кто-нибудь в оспе не сляжет? А ничего он так не боится как болезни. Целый день грохот, галдят даже за полночь... В одном углу визжит невоз-

можная скрипка, в другом на рояле двадцать раз одну и ту же гамму играют, и всё с теми же ошибками... Просто в бешенство прийти можно! У него, положим, в комнате всегда чистота. Он совсем не может работать при беспорядке. Но сколько приходится переплачивать прислуге, чтобы хлама в номере не было! Да и вообще там трудно работать... Товарищи поминутно врываются, наследят грязными сапогами на полу, разбросают окурки, денег выпрашивают... без отдачи, конечно... Не хотят понять, что одному побыть хочется, после целого дня работы или в праздник, когда свободен, наконец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.